

Ш. АРМСТРОНГ
КАПЛЯ ЯДА

Х. ПЕНТЕКОСТ
БЕСКРАЙНЕЕ ЗЛО

Д. ФИЛИПС
СМЕРТЬ НА СКЛОНЕ



Издательство АСТ
Москва

Ш. АРМСТРОНГ

КАПЛЯ ЯДА

Глава I

Высокий мужчина зажег свет.
— Одну секунду.

Его приземистый спутник оглядел служившее лабораторией помещение. Ничего не понимая, он переводил взгляд с одного прибора на другой.

— Оно где-то здесь. — Пол Таунсенд перебирал бумаги на столе, открыл левый ящик. — Письмо, которое я хотел отправить, да и забыл. Куда же оно запропастилось? — Он был импозантным мужчиной ростом шесть футов в прекрасной в свои тридцать семь лет форме. Его красивое лицо беспокойно хмурилось.

— Не спеши, — ответил мистер Гибсон, который никогда никуда не торопился и любил все как следует рассмотреть. — Что это у тебя тут такое?

— Вот оно! — Пол Таунсенд наконец отыскал письмо. — Нашел! Что это такое? Отравя.

— Зачем? Коллекция? — Мистер Гибсон внимательно рассматривал стоявшие в два ряда за стеклом шкафа, выровненные словно по линейке, квадратные бутылочки с аккуратными наклейками.

— Многое из того, чем мы пользуемся, может оказаться ядовитым, — кивнул Пол Таунсенд. — Поэтому лучше держать под замком. — Помахав зажатым между пальцами письмом, он тоже посмотрел на бутылочки и простодушно заметил: — И вправду, смахивает на коллекцию.

— Похоже на шкафчик со специями в кухне какого-нибудь гурмана, — восхищенно прокомментировал мистер Гибсон. — И для чего это все?

— Не так просто и перечислить.

— Не слышал девяносто процентов названий.

— Неудивительно, — снисходительно улыбнулся Пол Таунсенд.

— Смерть и гибель в маленьких расфасовках, — пробормотал мистер Гибсон и, ткнув пальцем в стекло, вспомнил, как мальчишкой вот так же уперся пальцем в стеклянный прилавок со сладостями. — Что ты посоветуешь?

— Не понял? — Пол Таунсенд недоуменно захлопал длинными ресницами.

Мистер Гибсон улыбнулся, и от уголков его глаз, словно крошечные павлиньи хвосты, веером разбежались морщинки.

— Просто позволил себе поэтический взгляд на две дюжины бутылочек со смертью, — витиевато объяснил он. — Я мыслю не так, как ты. С этим ничего не поделать, ведь преподаю поэзию. — И, подсмеиваясь над собой, добавил: — И мне пора уйти с земли покорно, в то время как возносишь ты во тьму свой реквием высокий...

— О... — немного растерялся Таунсенд, — если спрашиваешь, что тебя свалит легко и быстро, я бы посоветовал вот это.

— Это? — Длинное слово на этикетке пузырька, на который указал хозяин, Гибсону ничего не сказало. Он не представлял, как такое может выговорить человеческий язык. Но рядом стояла цифра — 333; это было проще, и она отпечаталась в мозгу. — Как оно действует?

— Убивает, и все. Ни вкуса, ни запаха.

— Ни цвета, — пробормотал собеседник.

— Ни боли.

— Откуда тебе известно? — В пытливом взгляде красивых серых глаз мистера Гибсона мелькнула искорка догадки.

Таунсенд снова моргнул.

— Известно что?

— Что нет никакой боли. И, кстати, вкуса тоже. Беднягу, как ты выразился, просто свалит наповал. Полагаю, у тебя не было возможности поинтересоваться, какое оно оказывает действие?

— Ну... как мне кажется, что для боли просто нет времени. — Таунсенд немного смутился. — Готов?

— М-да... интересное местечко. — Мистер Гибсон оглядел на прощание комнату.

Хозяин поднес палец к выключателю и нахмурился.

— Одну минутку. — Теперь он стал похож на мать семейства, к которой явились незваные гости. Словно разглядел недочеты в собственном хозяйстве. — Пожалуй, кое-что надо убрать. Может, эта штукovina и не убьет, однако... не мешает подстраховаться. Ты не против, если я попрошу на секунду отвернуться?

— Отвернуться? Нисколько! — Мистер Гибсон с готовностью повернулся и уставился в стоявший у противоположной стены шкаф, полный всяких пробирок и ступок. Стекло дверок могло вполне послужить зеркалом, если глаза заглядывали в отражение. И вот Гибсон безразлично наблюдал, как Пол Таунсенд берет со стола что-то вроде жестянки, достает из потайного места ключ и вставляет в дверцу шкафа с отравой.

— Ну вот... — Снова заперев шкаф и спрятав ключ, он повернулся к мистери Гибсону: — Приходится проявлять осмотрительность.

— Разумеется, — мягко отозвался тот.

Ему не пришлось в голову признаваться приятелю, что теперь он знает, где спрятан ключ от шкафа. Таун-

сенд, который ужинал в том же городском ресторане, что и он, любезно предложил в этот холодный январский вечер подвезти его домой. И Гибсон не хотел ставить его в неловкое положение. Да и то, что он узнал про ключ, не имело никакого значения.

Он начал размышлять о ядах. Существуют ли вообще продукты, которые человек не может есть? Огонь, вода, воздух — все хорошо в меру. А их излишество или неправильное употребление способно погубить. Вероятно, и с ядами точно так же, если соблюдать меру? Может, и они в определенных дозах и к месту способны приносить пользу? Например, в микроскопических объемах. Вопрос только в том, сколько, где и когда?

— Для чего нужен этот триста тридцать третий номер? — спросил он, когда они выходили из дома.

— Пока никто не выяснил, — дружелюбно ответил Таунсенд, — но уверяю тебя, это не худший способ умереть.

Мистер Гибсон не желал смерти. Он забыл о ней. Взглянул на луну и пробормотал:

— Волшебный вечер. Тихий, безмятежный.

— Приятный, — согласился Таунсенд. — Правда, немного холодновато. Я тебя здесь высажу. Спасибо, что дождался. Поеду домой.

— Не забудь отправить письмо, — напомнил Гибсон. — Неподалеку есть почтовый ящик.

Это был день рождения Гибсона. Он, разумеется, об этом не упомянул. Ему исполнилось пятьдесят пять лет.

Поблагодарив и пожелав спокойной ночи, поднялся на один лестничный марш в свою единственную комнату. Зажег лампу, снял ботинки, приготовил табак и выбрал книгу. Он был холостяком.

В доме царил покой и какой-то особый мужской уют. Здесь охватывало ощущение сонного царства, и Кеннета Гибсона это вполне устраивало. Ему казалось, будто его жизнь была чередой таких маленьких, тихих заводей. Никогда не хотелось вступать в борьбу с бурным течением на стремнине. Но время от времени поток его подхватывал и, как покорный листок, заносил в очередную запруду, откуда снова извлекал и нес дальше, пока он не оказался в этом месте, где не случалось бурь, лишь иногда пробегала по поверхности легчайшая рябь.

Он обрел нишу, где почувствовал целесообразность своего существования. Любил работу, и ему нравилась его жизнь. У него было ощущение, что все это скоро кончится. Очередные десять или двадцать лет в таком же спокойном духе не показались бы долгими. Он не был агрессивным или снедаемым амбициями человеком.

Через четыре недели после своего пятидесятипятилетия мистер Гибсон оказался на похоронах, где познакомился с молодой женщиной Розмари Джеймс. Испустил дух старый профессор Джеймс, и колледж пришел в движение. Профессор вышел в отставку лет восемь назад и с тех пор успел впасть в маразм, но когда-то преподавал в колледже и заслужил достойные похороны. Посему был брошен соответствующий клич.

Если все сотрудники колледжа в тот день спокойно впервые встретились с единственной дочерью покойного, то Гибсон испытал при этом знакомстве особенное чувство, благодаря одному своему качеству, которое считал слабостью. Сострадание было то ли его даром, то ли тяжким бременем.

Сам он объяснял это своей излишней чувствительностью. К пятидесяти пяти годам он все-таки на-

учился расходовать ее экономно. А во время Первой мировой войны сильно страдал от этого своего качества. Гибсон родился в первый месяц нового века и естественно к 1918 году достиг восемнадцатилетия. Он вырос в маленьком захолустном городке в Индиане. Его отец, владелец скобяной лавки, был неунывающим и не отличающимся чуткостью человеком. Мать же Морин (Грэйди) — миниатюрная женщина, особа с весьма эксцентричным нравом. Из сельской школы он отправился прямо на фронт, потому что в те дни это казалось «правильным».

Молодой, подтянутый, опрятный и чистоплотный — Кеннет Гибсон был из тех людей, которые обладают природным даром всегда выглядеть умытыми и аккуратными. Уже в то время у него появилась склонность к бумаге и чернилам. Через жестокие испытания войны он прошел служа писарем. Энергичный, старательный и исполнительный, он марал бумагу в местах отнюдь не безопасных, но в сражении так ни разу и не участвовал. Поэтому, когда все кончилось, никому бы не пришло в голову, что этот молодой человек внутренне оцепенел от пережитого кошмара. Невозможно было догадаться, каково пришлось его утонченной от рождения душе наблюдать и терпеть ужасы бойни. Никто бы в те дни не посчитал оставленные войной в его сознании раны глубокими и неизлечимыми. Слишком у многих в жизни произошли такие трагедии, которые он мог лишь воображать.

Гибсон уединился и находил утешение в книгах. Поступил в колледж. Но его не обуревало горение юности — он успел повзрослеть и шел не в ногу со своими однокурсниками. К тому же был занят врачеванием на свой особенный лад своих невидимых ран.

Его отец умер в тот год, когда он получил степень магистра. Мать не имела средств к существованию, и Гибсону пришлось помогать ей. Он оставил ее дома, не стал срывать с родных мест, понимая, что было бы жестоко, и взвалил на себя эту ношу, выделяя деньги из скромного преподавательского жалованья. Он даже помогал младшей сестре Этель, когда та училась в колледже. При этом Кеннет мысли не допускал, что совершает жертву. Ему просто казалось, что жизнь завернула в очередную тихую заводь. Писарь на войне — первая, вот теперь вторая — преподаватель, который несет бремя содержания семьи. Он верен линии своей судьбы. В этом его долг, легкомыслие юности не для него.

В 1932 году после тяжелой болезни умерла мать. Он оплакивал ее. В то время в стране была депрессия, и начальство, которое не увольняло его, пока мать болела, больше не колебалось.

К этому времени Этель, которая была моложе его на восемь лет, окончила школу, стала зарабатывать и теперь помогала ему, поскольку также обладала ответственностью, и на нее можно было положиться. Гибсон залез в долги, искал любую случайную работу.

А когда получил скромную преподавательскую должность, успокоился в тихой заводи. Потребовались усилия и годы экономии, чтобы избавиться от долгов. Но он справился и научился находить удовольствие, следя, как растворяются его прежние обязательства по мере того, как он расплачивался с кредиторами. Когда же наконец обрел свободу и относительное финансовое благополучие, мир после Мюнхена переживал напряженные месяцы.

Теперь ему было тридцать семь лет, и он оставался холостяком. Ему нечего было предложить женщине. Благополучие, престиж — ничего подобного. Прежде чем он успел рискнуть заключить брач-

ный союз, наступил 1941 год, и он во второй раз отправился на войну.

Разумеется, писарем. Ему было не привыкать — он ориентировался в бумагах, как рыба в воде. И провел военные годы в тихой заводи, о чем ничуть не жалел, хотя душа еще сохранила способность взбрыкивать. Однако так и не понял, что он делал там такого, что имело бы какой-то смысл. Знал одно: что таков его долг, который надо исполнять.

Вернувшись в сорок пятом с войны, Кеннет встретился в Нью-Йорке с сестрой, с которой тут же и распрощался. Его единственная родственница Этель, как и он, не выбрала себе спутника жизни. Может, это досталось им от матери и отца? Этель была уже взрослой женщиной — тридцати семи лет и вполне преуспевала. Она никогда не отличалась красотой, но была умна, трудолюбива и имела хорошую работу. В нем она не нуждалась. Если честно, он ее в то время немного побаивался — уж слишком свободно Этель ориентировалась в бурном деловом мире, была безоглядно смела и совершенно независима.

Кеннет восхищался ею, но простился хоть и с нежностью, но без грусти и отправился преподавать в Калифорнию — на английской кафедре маленького гуманитарного колледжа в раскинувшемся и растекшемся по солнечной долине небольшом городке. Оказался в привычной тихой заводи.

Там он десять лет, ни разу не повидавшись с сестрой, наставительным менторским тоном преподавал поэзию футболистам, студентам или просто всевозможным юнцам. Кеннет Гибсон не был истым представителем богемы, из тех, кто с горящим взором проповедует бунтарские идеи. И тем более — изнеженным эстетом, высокомерно взирающим на буржуа. Скромный, сдержанный невысокий

мужчина ростом пять футов восемь дюймов. Ему никто бы не дал его возраста, хотя в его светлых волосах уже появились едва различимые седые пряди. В высшей степени респектабельный человек, с красивыми серыми глазами и изящно очерченным ироничным ртом.

Молодых поражало, как он может относиться к своему предмету с такой серьезностью. И это заставляло их самих окупнуться в поэзию и осознать, что она того стоит.

Следовательно, Гибсон справлялся с работой, и ему довольно часто удавалось привить ученикам убеждение, что стихи — не просто плаксивая чушь, и, учитывая отношение к поэзии в наши дни, является достижением куда большим, чем он полагал.

Чтобы поддерживать дух, ему помогали книги, его знакомые, работа, а также одиночество, уютная комната, красота деревьев, великолепие неба, устремленные ввысь на горизонте горы и музыка прежних человеческих мыслей. У него была собственная жизнь, и он думал, что заранее знает, как она завершится. Но тут он познакомился с Розмари Джеймс на похоронах ее отца.